

Час расплаты с историей

По всему миру памятники подвергаются проверке и демонтажу. Но это не поможет выйти из тупика культурного противостояния.

Споры по поводу национальных символов и истории выходят на новый уровень: стремление сбрасывать статуи и переименовывать организации перестало ограничиваться «обычными подозреваемыми», такими как Сесил Родс, Вудро Вильсон, генералы Конфедерации и король Бельгии Леопольд II.

Например, Британский музей убрал с почетного места бюст своего основателя-рабовладельца, сэра Ханса Слоуна. «Мы столкнули его с пьедестала», – отметил директор музея Хартвиг Фишер. А всего за неделю до этого в фешенебельном 6-м округе Парижа спрятали подальше оскверненную статую Вольтера ради ее же защиты.

Похоже, что по всему миру культурные артефакты, которые стояли раньше на виду и никого не интересовали, стали подвергаться проверке на предмет их связей с имперством или рабством. Но даже когда все, кого посчитают нужным убрать, исчезнут, час Великой расплаты не закончится.

Более того, нынешние тенденции явно отодвигают нас еще дальше от подлинного примирения с прошлым. Вместо создания новой, инклюзивной истории народа, мы наблюдаем агрессивное столкновение общественных теорий и негативную ответную реакцию на явление, которое некоторые считают обезумевшей деколонизацией. Этот конфликт стал совершенно очевиден накануне ноябрьских выборов в Америке. «Извините, либералы! – написала недавно в Twitter группа сторонников Трампа. – Вводный курс «Как стать противником белых» отменен навсегда!». В любом случае все, кто хотел бы достичь нового консенсуса после того, как статуи уже сброшены, обычно упускают из вида главный аспект дискуссий о национальной истории. Примирение с прошлым – это не какое-то отдельное мероприятие, а непрерывный процесс, особенно если речь заходит о глубоких, системных травмах. Сбрасывание статуй в морскую гавань может быть интересно прессе,

но такие действия редко помогают устранить базовые проблемы.

Кроме того, у нынешнего тупикового культурного противостояния есть более глубокая история, и она показывает, что исправить ситуацию будет очень трудно. Многие из статуй, которые сейчас стали вызывать вопросы, были установлены в период, когда западные страны определяли себя главным образом масштабом территориальных амбиций. И в этом смысле белые империалисты, которые доминируют на наших площадях, всегда были маяками для крайне узких взглядов. Их присутствие больше говорит нам не о них самих, а о людях, которые их установили.

*Каждая из сторон
ощущает себя
обиженной и
виктимизированной, они
превращают историю в
оружие, вступив в
противостояние, в
котором «моя история
спорит с вашей
историей» и где
победителю достается
все*

Сегодня мы оказались в ловушке между устаревшим стилем патриотизма и выдохшейся плюралистской альтернативой. Старая национальная идеология, которая вызвала бум установки памятников, родилась в период зенита империй и была отточена в мировых войнах XX века, когда отливка героев и мифов играла роль объединяющей силы. Однако, начиная с 1960-х годов, движения гражданского общества, феминизм и приток иммигрантов заставляли западные общества становиться более инклюзивными, а старые эмблемы патриотизма начали выглядеть все более неуместными.

Идеи, лежащие в основе плюралистской альтернативы, которая вытеснила старую патриотическую идеологию, были следующими: пусть расцветает множество взглядов, пусть появляются новые голоса, а многообразие – это путь к сосуществованию. Но идеи плюрализма никогда не обладали такой же силой, как прежние взгляды. Толерантность редко приводила к пониманию (способности смотреть на мир глазами других), и поэтому, пока эмблемы старого порядка оставались на своих пьедесталах, недовольство маргинализированных групп населения неизбежно должно было усиливаться. Когда после финансового кризиса 2008 года развалился хрупкий консенсус вокруг глобализации, то же самое произошло и с хрупкой плюралистской системой.

И теперь мы оказались в тупике. Упорные защитники старого патриотизма чувствуют, что их мир ускользает, а защитники нового пантеона считают предыдущий пантеон источником деспотичной иерархии, а не единства. Каждая из сторон ощущает себя обиженной и виктимизированной, они превращают историю в оружие, вступив

в противостояние, в котором «моя история спорит с вашей историей» и где победителю достается все.

Великий день расплаты со статуями играет роль громоотвода для широкого общественного разочарования. За последнее десятилетие – даже до пандемии Covid-19 – в условиях углубления политической, межпоколенческой и географической поляризации исчезло ощущение прогресса в движении к новому, более светлому будущему.

*Если мы не хотим
превращаться в
пленников прошлого,
тогда мы должны
признать, что истории,
которые для одних
выглядят рассказом о
завоеваниях и
открытиях, для других
являются историями
подчинения и
эксплуатации.*

Как мы можем выйти из этого тупика? Целью музеев, как и университетов, должно быть содействие открытому и инклюзивному, но в то же время критическому, диалогу о прошлом. А для этого требуется обмен конкурирующими взглядами, поэтому речь не идет о «безопасном месте». Но подобный обмен не может происходить без взаимного признания обид и утрат другой стороны.

Если мы не хотим превращаться в пленников прошлого, тогда мы должны признать, что истории, которые для одних выглядят рассказом о завоеваниях и открытиях, для других являются историями подчинения и эксплуатации. Это не случайно, что почти все вызывающие недовольство памятники – это статуи белых мужчин. Для темнокожих, коренных и других маргинализированных групп населения жизнь под каменным взглядом уверенного превосходства сегодня стала просто нестерпимой.

Традиционные защитники патриотизма обязаны понять, что их мифы отрицают других людей, а их критикам следует признать трудности, которые сейчас испытывают павшие

Пока сохраняются старые патриотические взгляды, критики и несогласные всегда будут вынуждены просить разрешения, чтобы их принимали и терпели, и просить установки собственных памятников, если для них найдется место. Подобная система крайне далека от примирения, она играет роль хитрого способа сохранить в нетронутом виде символическую иерархию.

Впрочем, примирение – это улица с двусторонним движением. Традиционные защитники патриотизма обязаны понять, что их

мифы отрицают других людей, а их критикам следует признать трудности, которые сейчас испытывают павшие: они видят, как их историю свергают с пьедестала. Нелегко согласиться с тем, что давний источник гордости внезапно должен превратиться в предмет стыда. Совершенно понятно, что защитники старой идеологии сопротивляются переменам. Если они позволяют старым символам уйти, это будет жертва, достойная признания.

Конечно, возникнут споры о том, кто демонстрирует больше благородства в этот час расплаты. Это старый патриот, которого просят смотреть на героического генерала как на человека, который кого-то подавлял? Или же это подавляемые, которых просят понять, что они не одни расплачиваются за преодоление этого культурологического тупика? Мы можем спорить об этом. Но такие разногласия намного лучше нынешней демонстрации нетерпимости, которая доминирует в публичном пространстве.

(c) Project Syndicate

Джереми Адельман

Джереми Адельман (Jeremy Adelman) - профессор истории и директор
Лаборатории глобальной истории Принстонского университета.

Эндрю Томпсон

Эндрю Томпсон (Andrew Thompson) – содиректор Центра глобальной истории в Оксфордском университете.

